

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гофштейн О.Г., Рудакова С.В. — Специфика художественных историософских взглядов В. К. Кюхельбекера (по материалам «Европейских писем») // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41003 EDN: CVSNNHC
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41003

Специфика художественных историософских взглядов В. К. Кюхельбекера (по материалам «Европейских писем»)

Гофштейн Олег Георгиевич

ORCID: 0000-0002-0419-6456

аспирант, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ zavuch@magpedcol.ru

Рудакова Светлана Викторовна

ORCID: 0000-0001-8378-061X

доктор филологических наук

профессор, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ rudakovamasu@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.41003

EDN:

CVSNHC

Дата направления статьи в редакцию:

15-06-2023

Дата публикации:

16-06-2023

Аннотация: Вопрос о художественной историософии – проблема, активно обсуждаемая в последние десятилетия. Историософия – область интереса историков, философов и социологов. Художественная же историософия напрямую связана с эстетической стороной произведений, это сфера интересов литературоведов; изучая ее, они по-

новому осмысливают текст, его образы и сюжеты, включая их в разнообразные социальные, исторические, нравственно-философские процессы, выявляя особенности авторского взгляда на явления жизни – настоящего, прошлого и будущего. Именно в таком аспекте рассмотрено одно из малоизученных произведений русского романтика, представителя декабристского движения В. К. Кюхельбекера. Материалом исследования выступает повесть В. К. Кюхельбекера «Европейские письма». В основу предложенной работы положены приемы историософского анализа литературных произведений и историко-типологический метод, суть которого состоит в изучении творчества конкретного автора, в данном случае романтика В. К. Кюхельбекера, в определенный период его эволюции. Научная новизна предлагаемого исследования обусловлена тем, что вопросы историософии в «Европейских письмах» В. К. Кюхельбекера не рассматривались в научной литературе. В процессе анализа «Европейских писем» выявляется необычный взгляд автора на категории прошлого, настоящего, будущего, позволяющий смоделировать образ идеального социального мира, с одной стороны, а с другой – дать развернутую характеристику социально-исторических процессов, имеющих место в европейской и русской жизни, современного Кюхельбекеру периода, подчеркнув особенный мессианский путь России.

Ключевые слова:

Кюхельбекер, художественная историософия, Европейские письма, эпистолярная форма, путешествие, утопия, Европа, Россия, мессианство, идеал

Вопрос, касающийся изучения художественной историософии активно обсуждается в своевременной филологии. Такие исследователи, как С. А. Голубков [\[3\]](#), В. Ю. Даренский [\[4\]](#), Н. В. Зайцева [\[5\]](#), Н. В. Капустин [\[6\]](#), И. А. Киселева, К. А. Поташова [\[8\]](#), А. А. Матевосян [\[11\]](#), С. А. Никольский [\[12\]](#), О. Ф. Русакова [\[15\]](#), Т. Е. Сорокина [\[18\]](#), убедительно показали, что понятия «историософия» и «художественная историософия» не идентичны, что историософия – область интереса прежде всего историков, философов и социологов, а художественной историософией интересуются литературоведы. Художественная историософия дает возможность по-новому взглянуть на произведение, соотнося его содержание с историческими, политическими, нравственно-философскими процессами общественного развития, выявляя таким образом новые смыслы.

Начало 20-х годов XIX столетия в России отмечено активным развитием повествовательной литературы и изменением стилевых принципов, которые использовались в практике создания художественных произведений русскими писателями. Литературный процесс в первой четверти XIX века отличается тем, что это было время взаимодействия различных литературных направлений, это была эпоха кардинальных перемен в области литературной жизни, причем эти перемены происходили стремительно. Если в начале века ведущее положение в литературе занимала именно поэзия, она была определяющим родом, авторы именно в лирических произведениях, в первую очередь, реагировали на происходящие в обществе, культуре изменения, именно в стихотворениях ставились и осмысливались ключевые вопросы современности. Если мы говорим о литературе 1820-х гг., то она становится несколько иной, даже сам процесс чтения приобретает иной характер. Об этом размышляет в своей статье «Взгляд на современное направление русской литературы» С. П. Шевырев: «Круг действия литературного, круг читателей распространяется более и более; тесен был он

еще во времена Ломоносова; стал шире и шире во времена Екатерины; распространился еще более при Карамзине; достиг до самых отдаленных слоев читающего общества при Пушкине: это круг волн, разливающийся быстро от камня, брошенного в их середину. При Ломоносове чтение было напряженным занятием; при Екатерине стало роскошью образованности, привилегию избранных; при Карамзине необходимым признаком просвещения; при Жуковском и Пушкине потребностью общества» [\[22, с. 12\]](#).

Соответственно литература, творчество стали восприниматься как свидетельство проявления высокой культуры, и автор, создающий литературу, погруженный в литературу, воспринимался как человек образованный, как человек высокого интеллектуального уровня развития и тонкой душевной организации. Мы видим, что именно в этот период русская литература становится все более самобытной, рождаются национальные специфические темы, формируется национальная картина мира. Понятие канона остается в прошлом, начинает формироваться новый тип художественного слова, рождается новый тип автора, для которого национальные вопросы, мнения читателей, публики, общества оказываются не сторонним, а очень важным фактором, автором, для которого история, как и современность, то, чем он живет и дышит.

Необычность «Европейских писем» В. К. Кюхельбекера проявляется в том, что этом произведении соединяются особенности трех жанровых форм. С одной стороны, уже само название намекает на связь с такой формой, как эпистолярная. В европейской и русской литературе конца XVIII – начала XIX века эпистолярная форма становится одной из популярных литературных форм (см. более подробно: [\[10\]](#), [\[14\]](#), [\[21\]](#)). Можно вспомнить, например, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, на которые, бесспорно, опирался и от которых отталкивался в создании своей повести В. К. Кюхельбекер.

С другой стороны, безусловно, учитывается и активно используется вторая жанровая форма, используемая автором в выстраивании сюжета своего произведения, – это путешествие. Жанр путешествий также весьма популярен как в европейской, так и в русской литературе в период конца XVIII – начала XIX века. В виде путевых заметок, путешествий, травелогов появляются как документальные, так и художественные произведения. Самые известные литературные путешествия были созданы Дефо, Свифтом, Смоллеттом, авторами XVIII столетия, которые в своих произведениях, романах, повестях пытались представить, с одной стороны, реальную жизнь, с другой – давали какие-то жестко сатирические оценки, вскрывающие язвы современного мира. Соответственно, в своих текстах-путешествиях, особенно если мы вспомним знаменитое путешествие Гулливера, описанное Свифтом, то мы понимаем, что в его фантастических, аллегорических историях есть намеки на некую идеальную социальную модель, по которой должно идти развитие общества, или же, напротив, в качестве антипримера описывалась модель, которая не должна была быть реализована в современном социальном пространстве. Если мы говорим о российской действительности, то жанр путешествий здесь тоже имеет свою историю, соответственно и свои примеры (см. более подробно: [\[11\]](#), [\[2\]](#), [\[13\]](#), [\[17\]](#)). Популярным этот жанр стал уже в древнерусской литературе, известен он был как жанр хождения (можно вспомнить знаменитое «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (1466–1472)). Все эти традиции Кюхельбекер вбирает и реализует в пространстве своих произведений. Но, наверное, из всех русских текстов наибольшее влияние на формирование замысла Кюхельбекера оказало «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Произведение, с одной стороны, соотносимое с миром настоящим, изображающим реалии социальной, экономической, политической, культурной жизни России конца XVIII столетия, но, с другой стороны, в этом тексте явно ощущается жесткая сатира, обусловленная желанием автора обнажить пороки

современной ему социальной действительности для того, чтобы выработать пути к обретению возможности для реализации новой, как казалось автору, правильной политической модели. Это опыт, безусловно, Кюхельбекером был усвоен и реализован в пространстве его «Европейских писем».

И наконец третий жанр, традиции которого также учитываются автором, – это жанр утопии, с которым связана долгая история формирования как в русской, так и европейской литературе [\[16\],\[20\]](#).

Соответственно соединение черт трех жанров определило специфику повести Кюхельбекера. Но главным для автора, в отличие от его предшественников, становится не столько литературная модель, даже не некий сюжет, не акцентирование внимание на психологических переживаниях главного героя, связанных со встречами или расставаниями (то, что было, например, значимым для произведений Руссо, Гете, Карамзина). В центре внимания Кюхельбекера – прежде всего поиск мира, идеального в социальном отношении, и представление героя, достойного уважения, героя, который может стать примером для подражания.

Повесть В. К. Кюхельбекера «Европейские письма» впервые была представлена для читателя в 1820 г. на страницах журналов «Соревнователь просвещения и благотворения», «Невский зритель», а немного позже и в «Мнемозине». Повесть создается на характерном для утопий принципе диалогического нарратива [\[20, с. 137\]](#) – она состоит из 12 писем «наблюдателя-странника», которые адресованы им другу.

Уже в предисловии автор, обращаясь к читателю, дает ему установку на восприятие последующего рассказа: он предлагает тому, кто решит познакомиться с его произведением, мысленно перенестись в будущее, «...чтоб судить о современных происшествиях, нравах и вероятных их последствиях, должно мысленно перенестись в другое время» [\[9, с. 302\]](#). То есть автор с самого начала заставляет читателя понять, что картины грядущего моделируются им прежде всего для того, чтобы через них, как через призму, лучше разглядеть то, что происходит здесь и сейчас – во времени настоящем.

Автор переносит читателя в далекое будущее. Действие разворачивается в далеком XXVI веке. В роли повествователя выступает молодой американец, решивший отправиться в путешествие в Европу. Он, вместе с читателем, становится свидетелем упадка, видит, как деградируют и приходят в одичание прежде высокоразвитые европейские народы. Изначально Европа для него – мир, связанный с рождением и существованием полярных явлений: «я здесь, в стороне, в стороне, из которой перелились в нашу часть света рабство и просвещение, убийства, грабеж, искусства и науки, инквизиция и кроткое Христово учение, – я в Европе» [\[9, с. 302\]](#).

Главный герой «Европейских писем» Кюхельбекера – это путешественник, молодой человек, его можно назвать благородным рыцарем, который ищет подлинную свободу в обществе, который не принимает пошлую действительность, для которого бессердечные равнодушные люди, лишённые гражданских устремлений, – это нечто невозможное, недопустимое. Мы видим, что герой оказывается противопоставлен автором как европейским дворянам, так и азиатским вельможам, с которыми встречается: «Несмотря на дух рыцарства и вежливость европейского дворянства, гранды испанские в ревности не уступали пашам Сирии и Алжазире... <...>. Супруг говорил с супругою, как с царицею, но запирали ее как невольницу» [\[9, 303\]](#).

В своей повести «Европейские письма» Кюхельбекер для создания своей

историософской концепции использует приемы фантастики. Он, как мы уже сказали, переносит события в далекий 2519 год. И мы видим, что, реализуя в пространстве повести фантастические приемы, автор дает читателю возможность взглянуть на настоящее через призму грядущего, а кроме того, позволяет уйти от цензуры, ибо намеки не очевидны, но для внимательного читателя все упомянутые страны и характеристики их состояния дают возможность понять отношение автора к происходящим в европейском пространстве событиям.

Отправляя своего путешественника в далекий 2519 год, Кюхельбекер заставляет читателя посмотреть на настоящее через призму грядущего и представляет описания целого ряда европейских стран, приходящих к этому моменту в упадок. Читатель видит, как герой-путешественник становится свидетелем крушения тех европейских цивилизаций, которые известны были своей культурой, своим образованием, своими достижениями в самых разных сферах в предшествующий период. Испания, Генуя, Рим описываются в ситуации разрушения, в ситуации, когда эти пространства, бывшие некогда центрами европейской мысли, торговли, политики, культуры, переживают состояние глубочайшего упадка, Париж и Лондон вообще исчезли.

Анализируя художественное своеобразие «Европейских писем, Н. А. Стафеева обратила внимание на то, что Кюхельбекер «использует прием бинарных оппозиций», которому «подчиняется сопоставление прошлого и настоящего», «разрушение – гармония» [\[19, с. 183\]](#).

Кюхельбекер задумывается над целым рядом общественных, философских, политических вопросов, важнейшие среди которых – это вопросы о рабстве, о политической и духовной свободе, о равноправии в обществе. И мы видим, как автор, обращаясь к прошлому, размышляя о настоящем и заглядывая в будущее, предлагает свое понимание истории и человека, он интересным образом обыгрывает знаменитую фразу Архимеда: «Дайте мне точку вне земли, я сдвину землю с ее оси». Мы видим, что для Кюхельбекера эта мысль реализована в контексте не физики, а политики и культуры, а потому оказывается неприемлема: «Сохрани нас боже от таковой мысли!» [\[9, с. 302\]](#). Автор задается вопросом и пытается на него найти ответы, подсказав и своему читателю, к чему могут привести непродуманные, неразумные поступки, реализованные в области истории, в области общественно-политической жизни отдельной страны и Европы в целом. Примечательны записи, оставленные молодым путешественником: «Я видел развалины Неаполя, Мессины, Палермы. Я видел тот волшебный, но обесславленный в истории остров, с коего чудовища Нерон и Тиберий смотрели на цветущие берега Италии. <...> Ныне не существует и самое Портичи <...> и самый Везувий уже выгорел — здесь разрушение истребило самое орудие разрушения» [\[9, с. 316\]](#).

В отличие от своего предшественника А. Н. Радищева, который в «Путешествии из Петербурга в Москву», обнажая болевые точки современной российской крепостнической действительности, выступая против рабства, показывая ужасающие проявления крепостного строя, подводил читателя как мысль о том, что только народная революция может стать средством изменения политической картины мира и улучшения политической и духовно-культурной ситуации в стране, а единственно правильной формой правления – республика, для Кюхельбекера этот вариант оказывается неприемлемым, как неприемлемо то, что происходит во многих европейских странах как раз в середине 20-х годов XIX в., а именно революционные национально-освободительные движения. С точки зрения Кюхельбекера хотя рабство – состояние недопустимое, ибо все люди от рождения равны, природа всем дает равные

возможности, крепостнический строй – это то, что уродует как человека, подчиненного власти, так и человека, наделенного властью. Тем не менее, идея революции как способа решения политических задач по преобразованию политической, экономической, культурной ситуации для Кюхельбекера, как ни странно, несмотря на то, что в последующем он становится одним из ярких представителей декабристского движения, была неприемлема, для него была очевидна бесперспективность подобных революционных движений как в контексте отдельной страны, так и европейского сообщества в целом. И в этом плане позиция героя Кюхельбекера во многом созвучна позиции героя путешественника из Писем русского путешественника Н. М. Карамзина. Оба они считали, что насильственная форма изменения жизни страны и народа неприемлема, она грозит катастрофой и народу и стране: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку» [\[7, с. 20\]](#).

«Европейские письма» во многом дают читателю возможность увидеть, с одной стороны, разочарование автора в революционных европейских движениях середины 20-х гг. XIX в., а с другой стороны, его веру в исключительное положение России, в ее духовное мессианство.

Так мы видим в повести представлена идеальная картина социального устройства, и соотнесено это идеальное общественное устройство с русским миром. Герой Кюхельбекера на руинах прежней европейской цивилизации встречает здесь человека, который знакомит его с русской колонией, правителем которой оказывается Добров, тоже русский по своему происхождению.

Добров представлен в повести Кюхельбекера идеальным правителем. Он во всем и вполне настоящий человек: он откровенен, он приветлив, причем эти качества свои он проявляет не только по отношению к людям такого же статуса, как и он, но и по отношению к людям низшего сословия, в том числе к своим слугам, он трудолюбив и добродетелен. Он образован и просвещен, отличается следованием высоким нравственным принципам, то есть для Кюхельбекера это по сути дела идеальный, истинный человек.

Именно поэтому Добров как идеальный правитель организует общество, в основе которого – принцип равных прав для всех граждан и принцип гармоничного развития личности. И мы видим, что в поселении, которое возглавляет Добров, высоко ценятся гражданские принципы и порывы. Мы видим, что в пространстве этого русского поселения, сохранившего и приумножившего какие-то идеальные, социальные, общественные, культурные и духовные ценности на фоне разрушающейся европейской цивилизации главным становится следования духу просвещения, духу человечности.

Добров проецирует в мир ценности образования, знания, культуры, нравственности. Читатель видит, что в этом пространстве не только государство основано на такой идеальной просветительской модели, эта просветительская модель реализуется и в отдельных структурах, так называемых ячейках общества, – в семье. Автор акцентирует нашего внимания на жене Доброва, это настоящая супруга, находящаяся на одной волне со своим мужем. Она умная, образованная, искренняя, по сути дела становится она правой рукой своего мужа, помогает ему советом и делом. Кюхельбекер в этой повести на примере общины Доброва создает идеальную социальную и семейную модель.

Читатель видит, что в общине Доброва главными принципами, которыми руководствуется правитель, становятся принципы добродетели, человеколюбия и благоразумия, принципы справедливости и снисходительности по отношению к людям. Правитель Добров свой народ, своих людей любит, для него каждый человек значим, каждый оценивается по делам и по убеждениям, и каждый достоин уважения.

В русской общине в описании, как представляет в своих письмах его герой Кюхельбекера, царит равенство. Жители этой общины по-настоящему искренне любят своего правителя, можно утверждать, что здесь реализуется принцип открытого приятия воли старших младшими и принцип естественного подчинения тому, кто умнее, мудрее, опытнее.

Кюхельбекер, акцентируя внимание на Доброве, заставляет понять своего читателя, что преобразование общественной жизни начинается с человека, с человека нравственного, образованного, человека, который вокруг себя организует эстетическую, особую духовную атмосферу, которая как будто заражает всех остальных, делая их совершенней, интереснее, гармоничней.

Гармония личности, гармония общества в понимании Кюхельбекера достигается, в первую очередь, уважением и доверием к человеку.

В основе утопической модели будущего, которая создается на фоне разрушения прежде продвинутого, цивилизованного, процветающего европейского мира, лежат духовными и нравственными принципы, определяющие естественную форму семейных отношений, получившую развитие в общине, управляемой Добровым.

С одной стороны, повесть «Европейские письма» Кюхельбекера – это фантастическая повесть, переносящая читателя в далекое будущее, однако то, как описывает автор Европу, погрязшую в пороках, распадающуюся, дающую ощущение абсолютного упадка, заставляет читателя осознать, что автор говорит не столько о каком-то придуманном мире, сколько в утрированной, в какой-то степени гиперболизированной форме обнажает те реальные общественные пороки, которые характеризуют нынешнее состояние европейских стран. Можно говорить, что в данном произведении автор как бы сталкивает два мира: русская община представлена в утопическом контексте, а процветающая некогда Европа, наоборот, описана в ракурсе антиутопии.

С другой стороны, в этом произведении Кюхельбекер, в отличие от других своих современников, высказывает негативное отношение к восприятию Европы как того мира, который может и должен стать объектом для подражания. Автор как будто доводит до некоего логического и почти абсурдного финала те процессы, которые имели место в европейских странах, и показывает, что эти процессы могут привести эти страны не к эволюции, а к деградации, причем стремительной и страшной. Соответственно, в этом плане мы понимаем, что несмотря на то, что произведение создается в период общественного подъема, несмотря на то, что Кюхельбекер, в отличие от многих своих современников имел возможность побывать в Европе и посмотреть на нее и со стороны, и изнутри, не очаровался представшими перед ним картинами, а испытал совершенно другие эмоции. И, вернувшись в Россию, стал не западником, который бы призывал встать на путь европеизации и активнее следовать тем моделям, которые предлагает европейское сообщество, а выступил в роли славянофила, доказывающего исключительно специфический национальный путь, по которому должна двигаться его страна.

В «Европейских письмах» передается специфический историософский взгляд

Кюхельбекера на настоящее через призму грядущего, в этой повести автор высказывает мессианские идеи относительно будущего России, которая должна стать неким центром возрождения и человека, и социального мира, местом обретения гармонии как между человеком и государством, так в самом человеке.

Библиография

1. Аксенова М. В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча в контексте русской литературы путешествий XIX века // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 3(7). С. 7-21.
2. Береснева Ж. А. Культурологическая мысль в России в контексте жанра литературного путешествия. М.: ФГБОУ ВО "Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина", 2022. 167 с.
3. Голубков С. А. Литература как художественная историософия // Наука и культура России. 2014. Т. 1. С. 168-169.
4. Даренский В. Ю. Художественная историософия Пушкина как феномен русского национального самосознания // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 71-79.
5. Зайцева, Н. В. Историософия как социокультурный и когнитивный феномен // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2-2(93). С. 165-169.
6. Капустин Н. В. Историософия Чаадаева и русское слово // Русская речь. 2022. № 2. С. 110-117.
7. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Москва: Правда, 1980. 607 с.
8. Киселева И. А., Поташова К. А. набросок Лермонтова «У России нет прошедшего...» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 3. С. 265-283.
9. Кюхельбекер В. К. Сочинения. / Сост., подгот. текста, коммент. В. Д. Рака, Н. М. Романовой. Ленинград: Художественная литература, 1989. 576 с.
10. Логунова Н. В. Художественный эпистолярный дискурс и иные разновидности литературного нарратива: к проблеме сопоставления // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 5(153). С. 128-133.
11. Матевосян А. А. Вектор исследования компонентов художественной историософии в исторических романах А. Ф. Вельтмана // Художественная словесность: теория, методология исследования, история. Т.2. Москва: Литера, 2019. С. 64-71.
12. Никольский С. А. К критике консервативной интерпретации истории и обоснованию значимости художественной литературы в становлении отечественной историософии // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 110-121.
13. Погадай Е. В. Жанр литературного травелога как социокультурный феномен // Язык и коммуникация в контексте культуры: Материалы международной научно-практической онлайн-конференции, Ростов-на-Дону, 20 апреля 2022 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2022. С. 339-344.
14. Рогинская О. О. Роман в письмах как тип художественного текста // Текст. Интертекст. Культура: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 4-7 апр. 2001 г.). М., 2001. С. 41-45.
15. Русакова О. Ф. Историософия: толкования предмета и типология // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3. С. 3-28.
16. Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков.

- Ответственный редактор Н. В. Ковтун. Москва: Флинта, 2014. 404 с.
17. Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. 462 с.
 18. Сорокина Т. Е. Художественная историософия как теоретическая проблема. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. 155 с.
 19. Стафеева Н. А. Своеобразие «Европейских писем» В. К. Кюхельбекера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 182–184.
 20. Файзрахманова А. А. Типология жанра литературной утопии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 136–145.
 21. Хроликова В. А. Эпистолярный роман в историко-теоретическом освещении // Litteraterra : материалы V Международной конференции молодых ученых: электронный ресурс, Екатеринбург, 02–03 декабря 2016 года / Главный редактор И.А. Семухина. Выпуск 11. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 7-18.
 22. Шевырев С. П. Взгляд на современное направление русской литературы / С. П. Шевырев // Москвитянин. 1842. №1. С. 1-32.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика художественных историософских взглядов В. К. Кюхельбекера (по материалам «Европейских писем»)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса исследователей к вопросам, касающимся изучения художественной историософии, которая дает возможность по-новому взглянуть на произведение, соотнося его содержание с историческими, политическими, нравственно-философскими процессами общественного развития, выявляя таким образом новые смыслы.

Практическим материалом исследования послужили произведения Вильгельма Карловича фон Кюхельбекера, русского поэта и общественного деятеля.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

В вводной части слабо представлена разработанность вопроса в науке. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отражают

проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Источником эмпирического материала послужило произведение «Европейские письма», фантастическая повесть, переносящая читателя в далекое будущее, опубликованная в 1820 году. Рассказ построен в форме диалогического нарратива, состоящего из 12 писем «наблюдателя-странника», которые адресованы им другу.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям иностранных ученых по смежным темам обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов литературоведению, отечественной филологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества, а также теории русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Специфика художественных историософских взглядов В. К. Кюхельбекера (по материалам «Европейских писем»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.